

Чэнь Хуань в конце концов разрыдался, изо всех сил стараясь раздавить этих мерзких тварей. Отец, посмеиваясь, поспешно принес тазик, бережно обхватил ладошками ручки сына и осторожно опустил их в прозрачную, как слеза, воду. Он ждал, пока они снова соберутся вместе, и вдруг — резкое движение, и вьюны в тазике наконец стали добычей Чэнь Хуаня.

Улыбка Гу Яня была словно те самые ускользающие вьюны. Сейчас Чэнь Хуаню отчаянно хотелось иметь под рукой тазик, чтобы подставить его туда, где только что растаяла улыбка Гу Яня...

— О чем задумался? — Гу Янь затушил сигарету.

— Я... мне бы в туалет...

В старой библиотеке царила прохлада. Высокие сводчатые потолки в западном стиле возвышались над головой, а китайские оконные рамы были украшены изысканной резьбой. Вокруг стояла тишина. Заглянув через старинное стекло, можно было увидеть читальный зал, забитый студентами.

Без студенческого билета вход был заказан, но старик-сторож, увидев, как Чэнь Хуань держится за живот, по-доброму пропустил его. Библиотека была огромной и запутанной, многие секции закрыты, там давно никто не бывал. Туалет находился в подвале. Старик со странной усмешкой предупредил: иди тем же путем, что пришел, а то заблудишься в этих лабиринтах.

Это библиотека или морг? Внизу, в конце лестницы, ни звука. В подвале горело всего несколько ламп, холодный бетонный пол отсвечивал синевой, а извилистые коридоры вели в неизвестность. По обе стороны — плотно закрытые деревянные двери, ни капли жизни.

Шлеп, шлеп, шлеп. Шаги за спиной. Неспешные, размеренные. Чэнь Хуань идет — и они идут, Чэнь Хуань останавливается — и они затихают. Столетняя история дает право на призраков? Среди бела дня я тебя испугаюсь? Он резко обернулся и в полумраке увидел лишь лицо Гу Яня, с трудом сдерживающего смех.

— Едва не... — Чэнь Хуань проглотил фразу «до смерти напугал».

Гу Янь, все еще посмеиваясь, поднял тяжеленный рюкзак Чэнь Хуаня:

— А чего ты не спросил, не нужно ли мне тоже облегчиться?

В туалете никого не было. Чэнь Хуань признался, что на самом деле не боится призраков, а вот тараканов — до смерти. Где они — там не я, где я — там не они.

— Ума не приложу, как ты продержался в университете четыре года. Это же был настоящий инкубатор для тараканов.

Гу Янь начал справлять нужду, стоя в довольно вальяжной позе.

Чэнь Хуань слегка отвел взгляд, глядя на серебристые трубы под потолком, и попытался вспомнить. Кажется, он и правда почти не пересекался с господами тараканами.

— Фэн Юй труслив, боится всего на свете, особенно призраков... Кстати, — вдруг вспомнил Чэнь Хуань, — ты в последнее время бывал на кладбище?

— Что?

— На кладбище.

— Продолжай сочинять. Я никогда не верил в призраков и богов.

— Нет, Фэн Юй клялся, что видел тебя там в тот день.

— Что вы там вообще делали?

— А что еще можно делать? Могилы навещали.

— Чью могилу?

— О, Лян Юйе. Слышал о такой?

— Та, что пела куницей?

Чэнь Хуань обернулся:

— Ого, ты даже это знаешь?

Гу Янь застегнул ширинку и бросил взгляд на Чэнь Хуаня:

— Ты закончил?

— Да... закончил. — Чэнь Хуань почувствовал, как лицо заливают краска, и поспешно привел себя в порядок.

У умывальника Гу Янь мыл руки, поглядывая в треснувшее зеркало на притихшего Чэнь Хуаня.

— Что случилось? — тихо спросил он.

— Ничего не случилось!

— А чего ты покраснел?

Гу Янь в зеркале смотрел прямо на него. Чэнь Хуань скривил губы:

— Цвету и пахну, нельзя, что ли?

Гу Янь, стряхивая воду с рук, направился к выходу:

— Цвети дальше, я выйду. В этом месте даже живой души не видать.

Закрыв кран, Чэнь Хуань остался в тишине, нарушаемой лишь редкими каплями воды. Он посмотрел на свое отражение в зеркале: лицо действительно красное, как задница у макаки. Оказывается, настоящая обезьяна здесь — это я.

Через пять минут Чэнь Хуань с сияющим лицом, на котором еще блестели капли воды, вышел из библиотеки. Гу Янь на площадке уже успел выкурить две сигареты.

Они бродили мимо памятников, школьных корпусов, аллея сакуры, наслаждаясь озерными пейзажами. Никуда не спешили, дошли до боковой калитки, словно им было мало этого университета, который уже остался позади.

В киоске купили бутылку ледяной колы, взяли утиные шейки и уселись на сочную зеленую траву. Начали грызть — чем острее, тем вкуснее, остановиться было невозможно. От остроты оба то и дело сглатывали слюну, вытирали носы и довольно кряхтели. В мгновение ока пакет опустел, кола закончилась. Чэнь Хуань, отрывая и подставив лицо теплему ветру, повалился на траву и с наслаждением выдохнул:

— Хотел бы я вот так лежать вечно.

Гу Янь вытер жирные от утки руки и внезапно спросил:

— Где ты сейчас работаешь?

Чэнь Хуань помолчал немного и ответил:

— Только что уволился. Безработный бродяга.

Гу Янь отозвался коротким «о». Чэнь Хуань перекатился к нему. Его длинные худые ноги и узкая талия примяли зеленую траву, а закатанные штанины обнажали полоску гладкой белой кожи.

— Это был мой первый раз, когда я переправился через Янцзы. Очень хочу посмотреть на нее у самого берега. — Чэнь Хуань смотрел на Гу Яня глазами, черными, как обсидиан, не моргая.

— Хорошо, я составлю тебе компанию. — Гу Янь согласился без раздумий.

Чэнь Хуань улыбнулся. Трава перед ним казалась невероятно яркой, словно с нее вот-вот капнет живая вода.

Настоящая Янцзы была далека от того величественного образа, что воспевали поэты как кормилицу китайской нации. Желтая, мутная вода — Чэнь Хуань по ошибке принял ее за Хуанхэ. Несколько дряхлых суденышек медленно пробирались сквозь волны, словно не в силах вынести тяжесть пяти тысячелетней цивилизации.

Они сидели рядом на берегу, молча. Звуки паровых гудков сливались с рокотом реки, уносясь вдаль — печально и бесконечно. Казалось, ничто не имело начала и не имело конца, все было вечным и неизменным с незапамятных времен. Даже эта муть была лишь осадком времен. Янцзы все равно оставалась великой.

Чэнь Хуань встал и подошел ближе. Эти дни он не раз проезжал по мосту через Янцзы, и каждый раз ему хотелось подойти к ней, прикоснуться.

Он опустил руку в воду — теплая, прохладная. Не оборачиваясь, Чэнь Хуань сказал:

— Я коснулся Янцзы.

Гу Янь за его спиной хранил молчание, задумчиво глядя на парня, играющего с водой. Затем он поднялся, подошел к нему и занес ладонь над его плечом, но, подумав, опустил руку. Спрятав обе руки в карманы, он поднял голову, глядя, как катит свои воды река.

На обратном пути Гу Янь предложил подвезти Чэнь Хуаня, и тот не стал отказываться. Только он не ожидал, что у Гу Яня машина — внедорожник Мерседес. Гу Янь сказал, что одолжил у клиента. Чэнь Хуань полушутя-полусерьезно заметил:

— Что за важная шишка? Клиент так тебя ценит?

Гу Янь усмехнулся:

— По крайней мере, большинство людей, которых я знаю, вынуждены меня слушать.

Сердце Чэнь Хуаня екнуло, но он быстро отогнал эту мысль. Какой же я никчемный, едва познакомилась, а я уже думаю, как бы попросить его устроить меня на работу. Просто стыд...

— Голодный? Может, угощу тебя рыбой по-уханьски?

Чэнь Хуань не любил рыбу — слишком много костей, возиться лень, но все же кивнул и поправил:

— Давай я тебя угощу.

Гу Янь ответил:

— Как хочешь, мне без разницы.

На дороге были пробки. В последние годы Цзянчэн стремительно застраивался, старые районы сносили, недвижимость процветала, стройки были повсюду. Гу Янь заметил, что ландшафтный дизайн в стране имеет большие перспективы, и Чэнь Хуаню стоит смотреть на свою профессию оптимистично.

Чэнь Хуань слушал молча. Гу Янь обычно не был многословен, но о работе говорил с явным увлечением. Чэнь Хуань впервые почувствовал, что живет как-то скучно.

Сливовый сад рядом с Восточным озером, как и следовало из названия, был полон слив. Хотя цветы уже давно опали, деревья стояли густые и зеленые. По аллеям прогуливались редкие туристы, зато в ресторане напротив было не протолкнуться. Звуки музыки, журчание воды — место действительно располагало к тому, чтобы оставить мирскую суету позади.

Они выбрали укромное местечко. Перед ними расстилалась гладь озера, легкий ветерок и водяная дымка прогнали остатки жары, на душе стало спокойно. Чэнь Хуань начал разглядывать мужчину напротив, изучающего меню. Короткая стрижка, чистая кожа, едва заметные морщинки в уголках глаз — ему должно быть за тридцать. В китайском деревянном кресле он казался еще крупнее. Немного найдется китайцев с такой европейской статью, при этом сохранивших присущую китайским мужчинам древнюю элегантность. Чэнь Хуань вдруг вспомнил определение красоты, данное одним итальянским художником: разные части собраны вместе таким образом, что дополняют друг друга, и ничего не нужно добавлять, убирать или менять... В каждом жесте этого мужчины чувствовалась зрелость, приходящая с годами, — это внушало спокойствие, но в то же время не давало покоя, хотелось бросить камень в воду, чтобы узнать, насколько она глубока.

Раз уж решили есть рыбу, заказали покрупнее, к ней — пару закусок и кувшин рисового вина. Чэнь Хуань сказал, что сегодня не пьет.

Гу Янь рассмеялся:

— Не бойся, рисовое вино слабое, я не дам тебе снова приползти домой, сегодня меня некому будет тащить.

Чэнь Хуань фыркнул, а затем добавил:

— Я возмещу тебе стоимость того плаща, я знаю этот бренд.

Гу Янь отпил немного чая, оглядел одежду Чэнь Хуаня — о его достатке он уже догадывался — и слегка улыбнулся:

— Возместишь, когда получишь свою первую зарплату на новой работе.

Чэнь Хуань честно признался:

— Сейчас я столько в месяц не зарабатываю.

— Ну так подождем, пока сможешь, разве не так?

— Хорошо, договорились.

Рисовое вино из Сяоганя для Чэнь Хуаня всегда было каким-то неуловимым: сладкое, ароматное, оно ласкало горло, кружило голову, но сознание оставалось ясным. Поэтому, когда хотелось напиться, это никак не удавалось.

Рыба была настоящая, уханьская, куда вкуснее той, что была в ресторане, куда водил Фэн Юй. Чэнь Хуань не любил рыбу, а эта была приготовлена на пару, вкус был пресноватым, но зато он смог оценить терпение Гу Яня и его виртуозный метод отделения костей. Это было не просто поедание рыбы, а какой-то совершенный процесс освобождения. Видимо, заметив, что у Чэнь Хуаня не хватает терпения, Гу Янь обмакнул первый очищенный кусочек в соус и положил ему на тарелку. Мясо было нежным и тающим во рту, вкус — невыразимо изысканным. Чэнь Хуань молча ел кусочек за кусочком, которые Гу Янь перекладывал ему на тарелку.

Звонок мобильного нарушил их тишину. Гу Янь мельком взглянул на номер, и на мгновение Чэнь Хуаню показалось, что он засомневался, стоит ли отвечать.

Вытерев руки, Гу Янь все же взял трубку, тихо ответив: «Алло?»

Возможно, вокруг было слишком тихо, но Чэнь Хуань понял, что на том конце женщина. Она что-то быстро говорила.

Гу Янь нахмурился и произнес:

— Я же говорил тебе много раз, не трогай его вещи... Пусть валяются на полу, не обращай внимания, пусть бросает...

Ему уже за тридцать, пора бы жениться и детей растить, не каждый выдержит одиночество.

— Пусть злится, не обращай внимания... Что?! — Гу Янь слегка нахмурился, взглянул на Чэнь Хуаня, который доедал последний кусочек рыбы, и понизил голос еще больше, стараясь поскорее закончить разговор: — Ладно, ладно, я завтра вернусь, потерпи еще немного.

Похоже, это не жена. Какая жена позволит ребенку бросаться вещами и скажет не обращать внимания?

На том конце, казалось, повысили голос, не желая вешать трубку. Гу Янь потерял терпение:

— Если отойдешь подальше, он в тебя не попадет! Я же сказал, когда он не в духе, не нужно его успокаивать, просто отойди! Все, вешай трубку, я на встрече с клиентом.

Методы воспитания у Гу Яня, надо сказать, своеобразные. Сын дерется, а отец так потакает?

Гу Янь повесил трубку, посмотрел на опешившего Чэнь Хуаня, больше не ел, а закурил. В легком дыму он собрался с духом и спросил:

— Вкусно?

Чэнь Хуань кивнул, отпил вина и непринужденно спросил:

— Сын балуется?

Гу Янь промолчал, спокойно глядя на Чэнь Хуаня. В его взгляде всегда было что-то неуловимое, случайная искра — острая, пронизывающая насквозь. Это немного смущало.

Поэтому Чэнь Хуань больше не спрашивал, продолжая потягивать вино и глядя на Восточное озеро. В лучах заката чешуйчатая рябь медленно катилась к берегу, ветер шевелил листву, они смотрели друг на друга, и в этом молчании оба перевели взгляд на зеркальную гладь озера, где расходились круги. Вдруг он понял, что в жизни иногда можно опьянеть и без вина...

Наступили сумерки, Цзянчэн сменил облик. Шумный мир с приходом ночи погрузился в какое-

то туманное марево. Покинув сад, они бродили среди ночных огней. Гу Янь, казалось, потерял всякий интерес к разговору, его лицо было застывшей маской на фоне только что зажегшихся огней города.

Чэнь Хуань сказал, что живет недалеко, провожать не надо, но Гу Янь настоял. В это время позвонил Фэн Юй, и Чэнь Хуань сказал, что уже возвращается. Фэн Юй долго мялся, и Чэнь Хуань быстро понял намерения друга: на этот раз он решил предпочесть женщину дружбе. Как и говорил Чэнь Хуань, оба они — парочка сумасшедших.

— Ты уверен? Она все-таки чужая жена.

— Чэнь Хуань, я... — Фэн Юй не знал, как объяснить другу это грязное чувство.

Помолчав, Чэнь Хуань тихо сказал:

— Лишь бы ты потом не пожалел. Ладно, я сам найду отель, но мне нужно вернуться, забрать вещи.

Фэн Юй тут же ответил:

— О, без проблем, мы подождем, пока ты уйдешь, и вернемся.

Повесив трубку, Чэнь Хуань почувствовал странную пустоту. Обернувшись, он встретился взглядом с глубокими глазами Гу Яня. Чэнь Хуань пожал плечами:

— Друг выставил за дверь. Поеду за багажом, нужно найти отель. Знаешь какой-нибудь приличный?

Гу Янь понимающе кивнул:

— Отель, где я остановился, неплохой. Пять звезд.

— Ничего, я потяну.

Гу Янь нажал на газ, устремляясь в ночную глубь города.

— В этом мире существует настоящая любовь? — спросил Чэнь Хуань.

Гу Янь долго молчал, а затем ответил:

— Не знаю.

— Ты... женат?

— Нет.

— Девушка есть?

— Нет.

— Разведен...?

— Ты думаешь, в моем возрасте я не должен быть один?

— О, нет-нет, одиночество — это хорошо, свобода и все такое.

— А кто сказал, что я один?

— Черт...

— Зачем спрашивать столько лишнего!

Чэнь Хуань захлопнул рот, получив от ворот поворот.

Чэнь Хуань был членом клуба этого отеля, вытащил VIP-карту и заказал номер. Говорят, оттуда открывался вид на мост через Янцзы. Номер Гу Яня был на несколько этажей выше.

Стоя в лифте, они обменялись дежурными фразами о том, что нужно выспаться. Этаж Чэнь Хуаня, он вышел под прицелом взгляда Гу Яня. Обернувшись, он увидел, что Гу Янь уже нажал кнопку закрытия. Двери лифта сомкнулись. Чэнь Хуань остался один с чемоданом в тихом коридоре.

Номер был хорош, с видом на ночной Цзянчэн, переливающийся огнями. Разобрав вещи, Чэнь Хуань почувствовал, как настроение улучшилось. Подумав, он написал Гу Яню в WeChat: «Хочу в спортзал, пойдешь?»

Через минуту Гу Янь ответил: «Нет, у меня дела, иди сам».

«О, хорошо».

Подождав немного, он не дождался ответа. Чэнь Хуань повалился на мягкую кровать, навалилась усталость. В этот момент он действительно затосковал по Пекину.

На следующее утро Чэнь Хуань написал Гу Яню и узнал, что тот уже в аэропорту, готовится к вылету. Они договорились связаться, когда оба будут в Пекине.

От Фэн Юя весь день не было вестей. К вечеру Чэнь Хуань сам позвонил ему, напомнил про завтрашний рейс и предложил встретиться в аэропорту.

Фэн Юй спросил лишь одно:

— Билет в бизнес-класс можно обменять?

Чэнь Хуань выругался и повесил трубку.

Когда небо над Цзянчэном снова помрачнело и заморосил дождь, Чэнь Хуань покинул лучший отель города и направился в аэропорт. Фэн Юй, как и ожидалось, на рейс не явился. Чэнь Хуань в одиночестве сидел в широком кресле бизнес-класса, глядя, как Цзянчэн под ногами становится все меньше и наконец исчезает в густых облаках.

Вернувшись из Цзянчэна, Чэнь Хуань снова принялся за поиски работы. Все по старой схеме: рассылка резюме, звонки бывшим однокурсникам, покупка газет в надежде на удачу.

Результат... плачевный!

Неделя пролетела, в сети тишина, однокурсники говорят «подожди, будут варианты» (кто же рискнет рекомендовать этого барина? Поработает пару дней и сбежит — золотая чаша не сравнится с народной молвой), газеты... к черту их, чуть не вляпался в ночной клуб с зарплатой двадцать тысяч, где требовалась только приятная внешность, а остальное — на собеседовании.

Ландшафтный дизайн — перспективная сфера, но, к сожалению, чем профессиональнее работа, тем строже требования. У Чэнь Хуаня, кроме дипломного проекта, не было ни одного законченного кейса. Проект длится месяцами, а то и годами — от планировки до сдачи объекта, а Чэнь Хуань к тому времени уже давно исчезал.

Нет работы — сиди дома. Сидеть дома — не значит бездельничать. Просыпаться, когда захочется, включать компьютер и под звуки симфоний судьбы начинать уборку. Услугами домработниц он пользовался редко, уборка самому — это удовольствие, да и чище. Это была холостяцкая квартира недалеко от виллы отца. Жили они порознь, каждый был занят своим делом. Особенно когда отец уезжал за границу с лекциями, Чэнь Хуань не возвращался на виллу. Он ненавидел жить в огромных пустых домах — чем больше оболочка, тем больше она его раздражала.

Каждый день он проводил пару часов в спортзале, наблюдая, как тело возвращается к идеалу — это была единственная радость Чэнь Хуаня на данный момент.

Он так и не связался с Гу Янем, потому что... Гу Янь тоже не писал.

Он постоянно думал, не спросил ли он лишнего, не обидел ли Гу Яня? В конце концов, они были случайными попутчиками. Чэнь Хуань втайне жалел, что его любопытство в тот день было таким неумным. Глядя на фото Гу Яня в телефоне, на это почти идеальное лицо, всегда выражающее холодное высокомерие, он понимал, что Цзянчэн был словно сон.

От Фэн Юя тоже ни слуху ни духу. Отпуск закончился, он должен был вернуться в Пекин. Чэнь Хуань видел в WeChat только фотографии с встречи одноклассников: его маленькая подруга детства склонила голову к плечу Фэн Юя, и все они улыбались так ярко, что слепило глаза.

Зато вечером позвонил старик Чэнь, сказал, что есть дело. Чэнь Хуань подумал, что они давно не виделись, привел себя в порядок, прыгнул в «Ауди» и через мгновение был у ворот виллы.

Чэнь Мухуай был круглым, как колобок, в очках в золотой оправе, немного напоминая Будду из храма — добродушный, с мягким лицом. Он только вернулся с лекций из США и сразу получил звонок от бывшей жены, Лян Юйе. После развода единственной их связью оставался сын.

Он не ожидал, что сын не в Пекине, а уехал в Цзянчэн. Впрочем, ничего удивительного — лучший друг Фэн Юй оттуда, скорее всего, поехал к нему. Но вот о том, что сын снова безработный, он не знал.

Лян Юйе чувствовала себя беспомощной. Ладно, она сама была далеко, но отец, который рядом, всегда был занят только своей карьерой. Неудивительно, что сын выглядел менее живым и счастливым, чем Фэн Юй.

Доктор Чэнь молча выслушал все упреки Лян Юйе, а затем спокойно спросил:

— Зачем ты звонишь мне на этот раз?

<http://bllate.org/book/19151/1880690>